

Юлия
Резник

18+

Навеки твоя.
ПРОЩАЙ

Юлия Резник

Навеки твой. Прощай

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67420784

Аннотация

Лера хотела избавиться от деспота-мужа, который угрожал отобрать ребенка при разводе. Таир вызвался ей помочь. Он – влиятельный человек, соперник ее супруга на предстоящих выборах. И еще тот, кто уже однажды разбил ей сердце. Довериться такому человеку непросто. Особенно когда не знаешь, что он попросит взамен.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юлия Резник

Навеки твой. Прощай

Глава 1

Таир был с головой погружен в работу, когда дверь в его офис резко распахнулась, и в кабинет ураганом влетел глава его предвыборного штаба. Учитывая то, что тот распрощался с ним не более чем пару минут назад, случилось, видимо, и впрямь что-то экстраординарное. Иначе он бы ни за что не вернулся, торопясь домой, к жене и ждущим его одного гостям.

– Включай телевизор! Скорее... Ну?! Чего смотришь? – задыхаясь, прохрипел Мамаев и, согнувшись пополам, уперся в колени ладонями. – Там... Там... просто озвереть, что.

Таир щелкнул пультом, лениво гадая, что же привело его обычно спокойного и рассудительного помощника в такое состояние. Но стоило взглянуть на экран, как он сам чуть не вскочил, ощущая непреодолимую потребность действовать. С большим трудом он заставил себя оставаться на месте и, лишь хищно сощурившись, невольно подался немного вперед. Но с каким бы вниманием он ни вслушивался в сказанное, ему пришлось пересмотреть ролик еще раз в записи, чтобы просто поверить в то, что это происходит на са-

мом деле.

– Добрый день. Если он, конечно, добрый, – робко улыбаясь, начала свое обращение жена его основного соперника на будущих выборах. – Сегодня я выступаю не от имени своего благотворительного фонда, не как дочь третьего президента и не как жена всем известного депутата. Я всего лишь запуганная женщина, мать... которая вынуждена обратиться к общественности, чтобы получить развод. Поверьте, я много раз пыталась сделать это цивилизованно. Не поднимая бую... Но выбора мне не оставили. Вот уже несколько месяцев я живу фактически в заточении. Мне угрожают. Мне дали понять, что если я уйду от мужа, у меня отберут сына...

Таир растерянно провел ладонью по затылку.

– Ну?! – назойливой мухой гудел над ухом Мамаев. – Ты понимаешь, что это означает?! Представляешь, как эта бабенка нам подыграла?!

– Да помолчи ты! Дай подумать... – рявкнул Уваров. Вышел из-за стола, сунул руки в карманы и под ошалевшим взглядом сторонника, с которым никогда прежде не разговаривал в таком тоне, пересек комнату, чтобы остановиться лишь у окна.

– Может, объяснишься? – прилетело в спину. Голос Игоря звучал возмущенно. Тот закипал. И да, Таир отдавал себе отчет, что перегнул палку. Может быть... Но извиняться он ни перед кем не стал бы. Тем более перед главой штаба, которому платил из собственного кармана.

– Валерия Калинина – достойная женщина. Чьей бы женой она ни была. Прояви больше уважения!

– Валерия Исаева, – уточнил Мамаев. Обычно Таира вполне устраивала такая дотошность, что другие, впрочем, называли педантичностью и скрупулезностью, сейчас она заставила его поморщиться.

– Это ведь ненадолго, так? Она добивается развода.

– И попутно обвиняет мужа в насилии и угрозах. Да он теперь политический труп.

Мамаев ударил по жирным ляжкам и растянул губы в акульской улыбке, а Таир отвернулся. Что бы он сейчас ни сказал, Игорь, как воду, перенаправит беседу в нужное русло и ни за что не даст свернуть той с пути, подгоняя ее точно к цели. Их цель – победа на выборах. Таир сам ее обозначил.

– Мы его теперь раздавим! Живого места от него не оставим. Разнесем в пух и прах... Правда, придется переписать все твои речи, но...

– Не гони коней.

– Что?! Да это же верняк, Таир!

Уваров обернулся. Нерв на его щеке дернулся. Руки в карманах сжались в кулаки. Да, он хотел победить. И заявление Валерии давало ему в руки, считай, все козыри. Если использовать то, что она сказала. Если правильно выкрутить ситуацию... Уж он-то знал, как. Но... Но!

– Кажется, ты торопился к жене. У вас годовщина свадьбы. Не так ли?

– Так...

– Вот и поезжай. Остальное... – Таир кивнул не то в сторону телевизора, не то компьютера, – подождет.

Мамаев нахмурился, но, подумав, кивнул и, прихрамывая, пошел к двери. Он всегда знал, когда лучше отойти в сторону. И был гибким, словно змея. Ценное качество, которого Таиру не доставало. Сам он был скорее бескомпромиссным. Да, это не добавляло ему сторонников, но кого это волновало? Если ты каждый раз побеждаешь, многое сходит с рук. Люди любят победителей. Победителям прощают едва ли не все. Таир мог позволить себе некоторые вольности. Он и позволял... себе оставаться собою.

Когда за главой штаба закрылась дверь, Таир вернулся к компьютеру. Пошевелил мышкой, и из темноты, поглотившей экран, всплыли очертания женской фигуры. Ролик стоял на паузе. Лера на экране будто замерла, чуть приподняв брови домиком и округлив рот.

А в детстве он звал ее Леей...

Таир коснулся лба пальцами, с удивлением, граничащим с шоком, отмечая, что те легонько дрожат. Шумно выдохнул. А потом, так и не решив, как быть, вернулся в кресло. И мысленно отмотал пленку памяти на двадцать пять лет назад.

– Ну, вот... Кажется, и приехали, – сказал отец, заглушая мотор.

Таир, которому на тот момент было двенадцать, и он считал себя уже достаточно взрослым парнем, кивнул. Радости

от переезда он не испытывал совершенно. С другой стороны, отец, наконец, нашел работу, и это не могло не радовать, потому как уже почти полгода, с тех пор, как он был вынужден подать в отставку, с работой у него было туго. Для военного, чья карьера была разрушена нежеланием принимать участие в бойне, которую почему-то называли войной, вакансий было не так уж много.

– Зато я остался в ладу сам с собой, – по-армейски скупое пояснял отец. А Таиру большего и не требовалось. Достаточно было знать, что тот поступил по совести.

– Дом просто огромный.

– Да... Работенки здесь – невпроворот.

Отец должен был возглавить охрану хозяина этого замка. Время было беспокойное. Девяносто шестой. Без телохранителей в то время ходили разве что полные идиоты.

Вместе с отцом Таир вышел из машины. Двери хлопнули.

– Ну, пойдем...

Здесь ничего не напоминало о мегаполисе, находящемся в нескольких десятках километров. Было тихо и как будто безлюдно. Полынная горечь забивалась в нос, а еще сырость, идущая от реки, которая блестящей лентой вилась прямо вдоль дороги, а потом как будто оборвалась.

Таир зябко поежился. Дело двигалось к осени. Столбик термометра безбожно врал, обещая комфортные двадцать три, но стылый ветер заставлял кутаться в мастерку от спортивного костюма, который к тому же был ему мал.

Он старался не думать о том, что его ждет на новом месте. Знал только, что в гимназии, в которую ему теперь предстояло ходить, учатся одни мажоры. И это не сулило ему ничего хорошего. Такие истины усваиваешь как-то сразу. Все же между детьми, рожденными в семье с достатком, и всеми остальными пролегает огромная пропасть. Таир это понимал, хотя его не баловали, даже когда была такая возможность. Просто раньше его уважали за то, кем был его отец, и на многое закрывали глаза. Например, на его далеко не славянскую внешность, доставшуюся от матери. Но с тех пор, как отца уволили из армии, обвинив чуть ли не в измене родине, все изменилось. Таир стал изгоем. И, может быть, он бы порадовался тому, что ему больше не придется ходить в *ту* школу. Да только мальчик понимал, что в новой ему будет только хуже.

Они поднялись по ступеням и зашли в дом. Отца встретил устрашающего вида мужик и проводил в кабинет, велел Таиру дожидаться в кухне. А где искать ему эту кухню – не сказал. Пришлось идти наобум. По длинному гулкому коридору. Вертя во все стороны головой, потому что никогда еще Таир не видел подобной вычурной роскоши.

К счастью, мальчик выбрал верное направление. И вот там он ее и увидел...

Лера сидела на табуретке и нетерпеливо ерзала. Маленькая, светловолосая, вся такая беленькая и румяная, словно фарфоровая статуэтка.

– Ну, долго еще? Долго, Нюр?

– Не крутись! Иначе я тебе петухов наделаю!

Не то чтобы Таир не знал, кто такие петухи, просто он не совсем понимал, как их можно наделать. Да ему и дела до того не было. Он с удивлением разглядывал красивое, будто свадебное, платье девочки. Да так засмотрелся, что нечаянно опрокинул стоящую на краю столешницы чашку на пол. Все, кто были в комнате, обернулись на звук. Нюра всплеснула руками:

– А это кто у нас тут?

– Меня зовут Таир. У моего отца встреча... встреча...

– С моим отцом, – подсказала девочка.

– Ну, этого я не знаю... – отчего-то смутился Таир, – мне велели подождать в кухне.

– Вот и отлично! Будет нашей имениннице компания!

Очевидно, девочка нарядилась по случаю праздника – догадался Таир.

– Меня зовут Лея.

– Лер-р-ра. Лер-р-ра. Ну? Ты же уже сто лет как научилась рычать... – пробормотала Нюра, сметая валяющиеся на полу осколки в пластмассовый синий совок. Лера отмахнулась от слов... потом Таир понял, что это была домработница, а тогда он этого не знал, и заявила:

– Сегодня мне исполнилось восемь. Я стала большой. Хочешь торт?

Таир усмехнулся, потому что никакой большой она не

была. И ему, двенадцатилетнему, она казалась крохотной, как... Дюймовочка.

– Может быть, задуешь свечи?

В голосе Нюры Таир безошибочно определил жалость, но тогда он еще не знал, чем она вызвана.

– Нет. Я подожду маму и папу.

Однако в тот день ни ее мать, ни отец в кухню так и не спустились. А вместо живой собачки, о которой Лея мечтала, в комнате девочку ждал огромный, ростом больше ее самой, медведь. Гораздо позже, из разговоров слуг в кухне, Таир узнал, что даже этого медведя для Леры в последний момент купила секретарша ее отца. Так уж вышло, что, будучи дочерью самых богатых людей в округе, в том, что по-настоящему имело значение, маленькая Лея была беднее церковной мыши...

Возвращая Таира из трясины воспоминаний, в дверь коротко постучали. Так делал только один человек. Таир поспешил открыть.

– Отец... – сказал он, пропуская в кабинет инвалидную коляску.

– Привет. Ты видел?

Таиру было понятно, о чем его спрашивают, поэтому юлить он не стал.

– Да... – провел ладонью по затылку, растер шею. Отвлечся всего на секунду, и чуть было не пропустил брошенный отцом теннисный мяч. Так тот тренировал его реакции. Они

должны были быть мгновенными. Они и были...

– Что думаешь делать?

Таир пожал широкими плечами. Он ведь не знал... никогда не догадывался даже, как его Лея на самом деле жила. Сначала Таир надолго потерял её из поля зрения, потом видел лишь ту картинку, которую его оппонент Исаев демонстрировал для прессы. Красивую картинку, да. Так что сейчас, когда правда всплыла наружу, он не понимал, что делать. Чисто по-мужски ему хотелось навалить тому, кто её... да нет... любую женщину... вот так. Отец говорил, что в нем слишком развит инстинкт защитника. Возможно, эти инстинкты сейчас и включились, как знать? В любом случае, когда он думал о том, что ей довелось пережить, у него начинала свербеть кожа, будто кто-то живой в этот момент пытался выбраться изнутри наружу. Может быть, затаившийся в нем зверь.

– Посмотри на меня! – велел отец. – Ты не станешь в это вмешиваться. И не будешь ставить под удар все, чего достиг, из-за этого... Этого...

Его старик обычно не выбирал выражений. Тем более, когда они были наедине. И то, что он не мог подобрать слов, означало, что отец просто не знал, на каком ругательстве ему остановиться. А это что-то да значило.

– Я и пальцем его не коснусь, – послушно повторил Таир.

– И не будешь лезть в семью. Пусть они сами разбираются со своим дерьмом. Держись от него подальше.

– Мне показалось, что от этой семьи ничего не осталось. Разве нет?

– Может, и так. Только тебе-то что?

– Ничего, – в очередной раз пожал плечами.

– Ты не станешь в это лезть! Она – не твоя забота, – повторил отец и выехал прочь из комнаты, не оставляя Таиру шанса связаться в спор. Впрочем, он и не собирался... Лезть. По крайней мере, пока... С другой стороны, разве кто-то скажет ему хоть слово, если он приставит охрану к хрупкой женщине, которой угрожает муж-психопат? Таир понимал, что одним видеообращением Лера себя не обезопасит. Вряд ли Исаев откажется от нее так просто, после всего, что он принял, дабы не допустить их развода.

Усмиряя ворочающегося и рычащего зверя, Таир взял трубку и набрал номер своего давнего армейского приятеля, которому сейчас принадлежало крупнейшее в стране охранное агентство.

– Какие люди! – восхитился на том конце провода Руслан Белый, но Таиру сейчас было не до шуток.

– Рус, мне нужна охрана. Точнее, не мне. А одной женщине...

Глава 2

Лера до последнего не верила, что в самом деле на это решилась.

– Стоп. Снято... – пробормотал высокий парень, который здесь был кем-то вроде ассистента.

– Может быть, надо еще один дубль? – всполошилась ее адвокатша. Лера была ей очень благодарна – не каждый бы решился нажать себе врага в виде ее мужа, но... нет. На второй дубль ее сил просто не хватило бы. Она поднялась со стула и огляделась в поисках сумочки. В последнее время Лера была как никогда рассеянна и вечно забывала, что где лежит.

– Нет, – улыбнулась она. – Нет, Юлия, спасибо... У меня совершенно не осталось времени, я...

Вранье Лере давалось всегда нелегко. Спешить ей было особенно некуда. Делами фонда сейчас занималась ее помощница, так что, говоря откровенно, если бы Лере позволили, она бы вообще навсегда осталась в этом красивом офисе. Где каждый предмет был, кажется, на своем месте, каждая книга и безделушка. Спала бы на шикарном диване, глядела в окно, а на обед выходила бы исключительно в чьей-то компании. Мир за пределами этого кабинета был слишком враждебным для одиночного плавания.

– Валерия, вы уверены, что мы можем заливать это на ка-

нал? Обратной дороги не будет. Даже если мы потом удалим видео, оно разлетится по сети с молниеносной скоростью.

– Да. Я понимаю. Вы... можете его опубликовать.

Голос Леры звучал гораздо более уверенно, чем она себя чувствовала.

– Послушайте, я действительно верю в то, что эта запись вас обезопасит. Но вы же понимаете, что я не могу вам этого гарантировать? – голос адвокатши смягчился. В нем проступило даже волнение. Лера подумала, что она, наверное, выглядит жалко, раз с ней разговаривают, как с душевнобольной, но никак этого не прокомментировала. По крайней мере, эта женщина была с ней честна. – Только вы знаете, как далеко готов зайти ваш муж, – добавила она тихо.

Если бы Лера была одна, если бы больно было только ей, если бы от этого зависело только ее будущее, и никого больше, она бы, может, никогда не решилась на такое безумство. Но у нее был сын. И ради него она...

– Публикуйте. Прямо сейчас. Я хочу это увидеть.

В силу своей работы Юлия Вишнева повидала многое, но никогда еще она не сталкивалась с человеком, подобным Валерии Исаевой. Она собрала много информации не только на ее мужа, но и на неё саму, в попытке найти бреши в той линии защиты, которую выбрала, и вот теперь смотрела на эту непостижимую женщину и гадала о том, почему самым лучшим людям приходится так нелегко.

– Приготовьтесь к шквалу телефонных звонков от прес-

сы, – предупредила она, откашлявшись.

– А вы? Вы приготовились?

– Э-э-э... – Юля впервые столкнулась с тем, что клиенту не все равно на такие моменты, что-то встрепенулось, зашевелилось внутри. Может быть, очнулась после долгого сна вера в людей? И во что-то хорошее... – Да, мы уже выделили человека под это дело. Остальное я буду курировать лично.

Пока они болтали, тот самый парень залил видео на Ютьюб-канал адвокатской конторы. Выпрямился. И довольно растер ладони. Мужчины... Им только дай развязать войну! Лера с Юлей переглянулись, думая примерно об одном. Как всякие женщины, они бы многое отдали за мир во всем мире. Война была чужда их женской природе. Да только некоторых битв было не избежать. И, как правило, это были самые кровавые битвы.

– Если я больше не нужна, мы, пожалуй, пойдем. Артем, милый, собирайся...

Тёмка оторвался от своего айпада и сполз на попе к краю дивана. Сын дался Лере нелегко. И, может быть, в качестве своеобразного извинения за это мальчонка был ее точной копией. Белые льняные волосы, яркие глаза... Чтобы свет в них не потускнел, Лера это все и затеяла.

Вместе с сыном они вышли в приемную. Девочка секретарь тут же побежала за куртками. Когда Лера решилась на побег, времени на сборы не осталось. И они с Темкой смылись, в чем были. Захватили только самое важное. Старую

коробку с фотографиями и немного денег на первое время.

Телефон зазвонил так резко, что Лера вздрогнула. Прижала ладонь к груди, в которой взволнованно подпрыгивало сердце, и замерла испуганно.

– Мам, телефон! – пропыхтел Тёмка.

– Да-да... Я слышу.

Непослушными деревянными пальцами выудила свой айфон. И вздохнула так резко, что заболело под ребрами.

– Надо полагать, звонит ответчик? – спросила Юля.

Лера судорожно кивнула. Ответчик... какое красивое слово. В контексте Исаева ей оно нравилось гораздо больше, чем опостылевшее «муж». Но гораздо меньше, чем, скажем, «бывший».

– Вам необязательно отвечать.

Наверное... Она бы могла убавить звук. Или выключить телефон вовсе. Да только, если битва тебя настигла, встречать её нужно лицом к лицу. И вовсе не потому, что не страшно, а потому что спина – мишень, по которой нельзя не ударить.

Лера приняла вызов и молча поднесла гаджет к уху.

– Ты спятила! – заорал Исаев на том конце связи. В трубке еще слышались голоса. Будто его кто-то одергивал или успокаивал. Глупые. Неужели они не знали, что когда тот впадает в ярость, это попросту без толку? – Ты совсем выжила из ума!

Дальше последовал поток отборной брани и оскорблений,

которые Лера по привычке пропустила мимо ушей.

– Все сказал? А теперь присядь, выдохни и хорошенько подумай над тем, что я говорила тебе тысячу раз.

– Какого черта ты разговариваешь со мной, как с последним дебилом?! Я тебе позволял так со мной говорить?!

– Ты больше не в праве мне что-либо позволять. Я уйду от тебя. Лучше отдай мой паспорт. Клянусь, если потребуется, я сделаю новый, но все равно... Ты меня слышишь? Все равно с тобой разведусь.

Лера вышла в коридор, чтобы Тёмка не слышал их разговора, медленно добрела до лифтов и спряталась за кадкой с раскидистым фикусом. Что-то гудело... То ли лампы, то ли это страх, резонируя внутри, отдавал в уши.

– Попробуй. И, клянусь, Тёму ты больше не увидишь.

– Давай! Рискни! Забери его... И сразу же ставь крест на своей карьере. Я не пустила в ход снимки из больницы... да. Но, тронь его – и я ни перед чем не остановлюсь... Клянусь, ни перед чем!

Самый злобный зверь – зверь, загнанный в угол. Лера отбила вызов и отбросила от себя телефон, будто тот вдруг стал ядовитым. Гаджет звучно шмякнулся о мраморный пол (каждому уважающему себя адвокату полагалось работать в офисном здании с мраморными полами) и, прокатившись где-то с метр, остановился.

– Валерия, может быть, мы все-таки наймем вам охрану? – послышался еще более мягкий голос адвокатши. Лера за-

жмурилась, чтобы совладать с бушующими внутри эмоциями. А спустя какой-то миг безмятежно улыбнулась и покачала головой:

– Нет. Спасибо. Это... ничего не даст. Если он захочет нас... – взмахнула рукой, не договорила и снова улыбнулась. То, как эта женщина владела собой, вызывало восхищение. Но Юля слишком хорошо понимала, как закалялась такая выдержка. Лера держала спину настолько прямо, что ее острые лопатки напоминали обрубки крыльев.

– Может быть, я могу для вас еще что-то сделать?

– Нет. Спасибо. Артем... Сынок, мне тебя еще долго ждать?

Лера наклонилась, подобрала телефон. Экран, к удивлению, не разбился. Хотя ей казалось, что она вложила в бросок всю свою ярость.

Тёмка выскочил из офиса в коридор. Его длинный шарф волочился по полу, и Лера остановилась, чтобы его поправить. Как раз приехал лифт. Ее всегда окружали люди, но теперь, зажата со всех сторон куда-то спешащим офисным планктоном, Лера все больше нервничала. Сейчас они все разбегутся по своим делам, и она останется одна. В чужой снятой наспех квартире, в которой властвовали тени и страхи.

– Мам, а Дед Мороз теперь ко мне не придет?

– Что? – Лера моргнула. – Это почему же?

– Ну, он же не знает, где я теперь живу, – терпеливо объ-

яснил мальчик.

Огромный ком поднялся откуда-то изнутри, прокатился вверх по пищеводу и застрял в глотке. Лера вздохнула так тяжело, что редкие мохнатые снежинки, кружащиеся в воздухе, отнесло прочь.

– Мы ему сообщим!

– Как?

– Напишем письмо и оставим его в морозилке.

Она даже не была уверена, что морозилка в их квартире включена, но сути это не меняло.

– А-а-а, – протянул Тёма, – я думал, ты просто отправишь ему е-мейл.

Вот что значит современный ребенок! Лера улыбнулась, склонилась над сыном и крепко-крепко его обняла.

– Фокус с морозилкой надежней.

Лера похлопала по карману пальто, в котором снова ожил телефон. На этот раз номер был незнакомый. Она сверилась с часами на запястье. На то, чтобы узнать ее контакт, у журналистов ушло чуть меньше получаса.

– Тёма, а хочешь мороженого?

Чуть в стороне, в соседнем от здания бизнес-центра доме, мигала вывеска Баскин Робинс. Тёмка затряс головешкой, и следующий час они провели с сыном в кафе. Домой вернулись поздно. Тёма уже клевал носом. Лера загнала сына в ванную, и пока тот мылся, застелила его постель одноразовой пеленкой. Она могла сколько угодно себя обманывать,

врать, что Тёма никогда не видел, как Исаев её бьёт, но... четырёхлетние мальчики с крепкой психикой обычно не пишутся в постель по ночам. И не боятся спрятанных по углам чудовищ.

Что, если она опоздала?

Нет-нет. Не может быть! Заглушая ход собственных мыслей, Лера щелкнула пультом от телевизора. Не глядя на экран, нагнулась, чтобы распрямить две маленькие складочки на покрывале, и замерла, услышав его голос...

Почему он до сих пор так на нее действовал? Она не знала. Когда Таир уехал в тот год, его голос звучал иначе. В нем еще не было этих хриплых ноток. Он был выше. Более детским, что ли? А сейчас совершенно ведь незнакомый. Но в то же время знакомый настолько, что у нее все внутри цепенело. И только сердце, напротив, тарахтело в груди, как заведенное. Тук-тук-тук.

Ноги совсем не держали. Лера села. Вцепилась пальцами в простыню, которую вот только что с таким усердием распрямляла. Моргнула, стряхивая с глаз блестящую пелену. И сама на себя разозлилась! В конце концов, если бы он ее не бросил, её жизнь не сложилась бы так. Если бы он только ее не бросил...

Поймав себя на этой мысли, Лера запнулась. И рассмеялась... Большого абсурда она не могла и придумать.

– Мама! Я все! – проорал во всю глотку Тёмка.

Лера вскочила и побежала к сыну. Тот, как всегда, вы-

брался из ванны, толком не вытершись, и теперь стоял на холодном полу в луже воды. Лера замотала его в полотенце, чмокнула в нос и на руках понесла в комнату.

– Не выключай свет! – велел Тёма, когда она, думая, что тот уснул, уже кралась к выходу.

– Как скажешь, мой хороший. Как скажешь...

Обычно Лера ложилась поздно. Но тот день измотал ее до предела. Она быстро обмылась и юркнула в постель. Где-то там... за пределами этой комнаты, набирал обороты скандал. Но она не интересовалась его подробностями. Ей не было дела до того, кто и что скажет. И как воспримет её слова. Все, чего она хотела – свободы. Много или мало для женщины, которая никогда ее не имела?

А потом зазвонил городской... Лера полагала, что такой связью уже никто не пользуется, поэтому даже не сразу поняла, откуда идет звук. Конечно, самым правильным в сложившейся ситуации было не брать трубку. Ведь ей на этот номер звонить не могли... Но что-то будто толкало ее вперед. К небольшому журнальному столику.

– Да? – облизав пересохшие губы, прошептала она.

– Неужели ты действительно думала, что от меня спрячешься?

Стайка колючих мурашек подняла тонкие, невидимые глазу волоски на предплечьях.

– Чего ты хочешь, Паша? Я ведь сказала, что между нами все кончено. Я... не хочу это продолжать.

– Я знаю, ты на меня обижена. Я... понимаю, что перегнул палку в последний раз, но, черт, Лер, этого больше не повторится. Я клянусь тебе, не повторится! Слышишь?!

Вот так всегда. Извинения – это последняя стадия. Они каждый раз следуют за оскорблениями и угрозами. Сценарий прописан в деталях и никогда не меняется. За столько лет Лера выучила его наизусть.

– Я слышала это много раз. И потом все повторялось. Снова и снова...

– Прости меня...

Почему именно она должна прощать? Почему прощать должен непременно обиженный? Кто придумал этот бред? И где набраться великодушия, чтобы простить? И надо ли его прощать в принципе?

– Нет, Паша. На этот раз все кончено.

– Это он, да?! Это все этот черномазый! Ты всегда к нему неровно дышала, а теперь... вы с ним сговорились, да? Утопить меня решили?!

Децибелы в ушах нарастали. Оскорбления лились рекой, и поначалу, скорее всего по привычке, Лера их покорно выслушивала. А потом нажала отбой.

Нет. Она ни с кем не сговаривалась. Таиру до неё уже тысячу лет нет никакого дела, и только такой параноик, как Ис-аев, мог думать иначе.

Глава 3

– Нет-нет, милый, достаточно... Не то тесто получится очень густым.

Артем засопел, отставил пакет муки и принялся помешивать жидкое тесто на оладьи. Делал он это усердно, закусив кончик языка. И выглядел так мило и трогательно с мучным следом на щечке, что Лера было потянулась его обнять, но запнулась, так и не сделав этого.

– Прекращай его тискать! Ты мужика растишь или сопливую бабу?! – звучал в ушах хорошо поставленный стараниями нанятого специалиста голос мужа. Лера зажмурилась. Тряхнула головой, отгоняя наваждение. А потом, разозлившись сама на себя, все же сжала сына в объятьях. И плевать, что по поводу таких нежностей думал Исаев. Пусть он катится, куда подальше, со своими методами воспитания! Пусть... он... катится... У нее насчет этого имелось другое мнение. Слишком свежи воспоминания о собственном детстве. И своей ненужности.

Лера зарылась носом в светленькие волосы сына, вдохнула его сладкий аромат в глупой надежде, что это поможет остановить поток воспоминаний, обрушившихся на неё откуда-то сверху. Но все тщетно. Поток подхватил её и понес вслед за собой далеко-далеко...

В тот день, когда ей исполнилось восемь, Лера по-насто-

ящему повзрослела, что бы и кто ей ни говорил. До этого момента она старательно искала оправдание своим родителям. Она еще мечтала. И верила, что все рано или поздно изменится. Когда папа перестанет столько работать. Или когда мама, наконец, вылечится и перестанет принимать таблетки, коробочку с которыми она всегда носила с собой в кармане. Когда они с отцом перестанут ругаться. Когда в доме стихнут крики. И когда чем-то хорошим наполнится следующая за этими криками тишина, в которой Лера так отчетливо ощущала свое одиночество.

Проблема детей в несчастливых семьях заключается в том, что они растут, в то время как родители воюют друг с другом. Это дети войны. Глубоко раненные происходящим дети.

– Пойду, погуляю, – пробормотала Лера, со скрежетом отодвигая стул.

– Эй! Постой... А как же свечи? погоди минутку! Я сейчас зажгу, задуешь и желание загадаешь. Ну?

Лера покачала головой. Бросила взгляд на хмурого темноволосого мальчика, ковыряющего вилкой уже второй кусок торта. Резко дернула головой и, чтобы показать ему, что действительно большая, выплонула:

– Не хочу. Желания загадывают только дети.

– А ты кто же, позвольте спросить? – подбоченилась Нюра.

– А я взрослая. Взрослые знают, что желания никогда не

сбываются.

Нюра открыла рот.

– Пойди ты с ней! Ишь какая... Это как же не сбываются? – наиграно возмутилась она. И от этого Лере стало еще больней. Она обернулась уже у самой двери. Еще раз покосилась на мальчика, а потом подбежала к экономке и крепко-крепко ее обняла.

– Не надо, Нюр, – прошептала. – Спасибо тебе, но не надо. Врать, чтобы утешить.

Глазам стало горячо-горячо. Будто в них кто-то насыпал перца. Лера часто заморгала и выбежала из кухни, чтобы никто не заметил ее слез. Она – взрослая. А взрослые не плачут по таким пустякам.

Дело катилось к осени. В воздухе пахло дымом, горькими травами и сыростью. Ветер гнал облака за горизонт. А Лера бежала, не разбирая дороги, словно этот поток, перепутав ее в пенных кружевах с облаком, подхватил и понес вместе с ними. Остановилась лишь у реки. В этом месте она была беспокойной. Именно здесь разделенный чередой естественных островков огромный поток вновь соединялся, отчего образовывались водовороты.

Берег был обрывистым. Сплошь поросшим высокой травой. Лера помнила, как годы назад, когда она была действительно маленькой, та смыкалась над ее головой. Будто обнимающая. Может быть, поэтому она проводила здесь столько времени? А когда ей становилось особенно страшно, Лера про-

биралась к самому краю обрыва и смотрела на то, как внизу беснуется вода. Закручивается в воронки, бьет волной о выступающие валуны, разбиваясь на сотни... тысячи искрящихся брызг. Эти омуты напоминали ей глаза невидимого чудовища. Глядеть в них – все равно что смотреть в глаза собственным страхам. Жутко до ужаса. Но взгляда не отвести. Леру притягивала и манила эта страшная глубина.

В тот раз ей было сложно пробраться к воде. Платье-облако цеплялось за иссушенную потускневшую к осени траву. Та словно тянула к ней руки, удерживала на месте. И ветер шелестел – не ходи туда, не ходи... Но Лера упрямо шагала вперед. А потом она так и не поняла, как это произошло, на самом деле накануне берег подмыло, земля ушла из-под ног, и, прокатившись несколько метров вместе с оползнем, девочка с головой ушла под воду. Инстинктивно, забив руками, выплыла, но водоворот затягивал, да и намокшее платье камнем тянуло ее ко дну. Вода забилась в нос, горчила в горле... Лера выплыла, жадно вдохнула, хотела закричать, но горло перехватил спазм, и она снова ушла под воду. Она сейчас не могла бы сказать, как долго боролась с рекой в одиночку... Тогда ей казалось, что прошла целая вечность, прежде чем сквозь рев воды Лера услышала чей-то голос.

– Сюда! Слышишь, постарайся выплыть сюда. Греби! Ну же...

И она гребла. Из последних сил. Вода била в лицо, из-за мокрых, упавших на глаза прядей ничего не было видно. Ле-

ра плыла на голос и изо всех сил тянула руку вперед, в то время как вода утаскивала ее на дно. А когда девочка уже думала, что все, не выдержит, смуглые пальцы сжались у нее на запястье и с силой потянули. Как она выползла на валун, Лера уже не помнила. Память ластиком стерла те мучительные секунды.

– Дыши, Лея! Дыши...

И она вдохнула так глубоко, что потемнело в глазах и заболело под ребрами. Ее тело сотряс приступ кашля. Вода пошла носом. Лера перевернулась на бок, уткнувшись мокрым лицом во что-то теплое. И снова сделала вдох. На этот раз размеренный и спокойный.

Лея... Он назвал ее Леей.

– Ну, и напугала же ты меня!

Лера не знала, что на это ответить. В конце концов, она была не виновата в том, что произошло. Это случайность. Ну, не извиняться же? Обожжённая речной водой носоглотка подозрительно покалывала. Только расплакаться ей и не хватало! Чтобы не дать слезам воли, Лера еще сильнее вжалась лицом куда-то в бок Таира. Первый шок потихоньку спал, адреналиновая анестезия схлынула, и она почувствовала боль от удара о камни и холод.

– Встать можешь? Нам бы домой.

– З-зачем?

– Ну, как? Наверное, о тебе будут волноваться... И вообще.

Тряхнув головой, Лера сползла ниже. Перевернулась на бок, обняла себя за колени, чтобы сохранить остатки ускользающего тепла, и прошептала:

– Вряд ли. Я никому не нужна.

Она бы никогда и никому в том не призналась, если бы не шок. Может быть поэтому она дернулась, когда поняла, что сказала... Слова вспороли горло и, вырвавшись наружу, повисли между ними в воздухе. Который и без того горчицл...

Таир, кажется, смутился. Кашлянул. Отвел взгляд, как и всякий мужчина, испытывая неловкость от таких разговоров.

– Нужна.

– Кому же?

– А хоть бы и мне!

Признание, скажем прямо, вышло нескладным. И если бы Лера в тот момент хорошенько подумала, она бы поняла, что Таир это все сказал, не имея в виду ничего конкретного. Просто он не знал, как ее утешить. Вот и ляпнул первое, что пришло на ум. Но ей было восемь... Всего восемь. Ее сердечко было таким маленьким... И чтобы заполнить его целиком, нужно было не так уж и много.

Чувствуя непривычный жар в груди, Лера кивнула. Осмотрелась по сторонам, выискивая наиболее пологий склон. Небо стало совсем уж серым. С каждой секундой становилось все холодней. К ночи сверчки завели свои песни. Чем дальше к сентябрю – тем они становились звонче.

Таир первый соскочил с валуна. Осмотрелся. Как истинный джентльмен, подал Лере руку. И та, нисколько не сомневаясь, что он ее непременно удержит, бесстрашно прыгнула вниз и больше его ладонь не отпускала.

– Тебе не кажется странным то, что человек может утонуть? – спросил вдруг Таир, шагая с Лерой в ногу.

– Станным? Нет... Почему?

– Потому что человек сам на восемьдесят процентов состоит из воды!

Логика в этом, конечно, была. Признавая ее, Лера пожала плечами и еще сильнее вцепилась в липкую, мокрую насквозь юбку свободной рукой.

– Мама говорит, что некоторые люди целиком состоят из слез.

Таир ничего на это не ответил. Лишь скосил взгляд. А потом и вовсе выпустил руку девочки, потому что на горизонте уже показался дом. А ко всему прочему им навстречу спешили люди.

– Где ты был? – спросил Таира высокий статный мужчина. Потом Лера узнала, что это был его отец.

– Ходил к реке. Там... понадобилась помощь.

Вместе с отцом Таира из дома выбежала экономка. Взмахнула руками, стала причитать... Пришлось объяснять, что с ними приключилось. Уже через несколько минут новость о том, что сын нового начальника охраны спас дочь хозяев, разлетелась по дому. И каким-то чудом дошла даже до мате-

ри девочки.

Лера лежала в постели, когда та к ней заглянула. Села на край кровати, ласково погладила по волосам. Вообще она была хорошей мамой... Когда выплывала из тумана, вызванного приемом антидепрессантов. Вот если бы только это случилось почаще!

– Ты меня так напугала, Лера! Так напугала! – прошептала она.

– Я не специально, мамочка...

– Я знаю, знаю. Как все же хорошо, что тот мальчик оказался там. Я бы не пережила, если бы с тобой что-то случилось. Я так тебя люблю, детка...

Мать Леры даже заплакала. Она вообще часто плакала. Но обычно это происходило после её ссор с отцом. А тут... Лера обняла мать и забормотала слова утешения. Она говорила и говорила, и, наверное, было в голосе девочки или её словах что-то такое, что заставило ее маму отстраниться и пристально посмотреть ей в глаза.

– От любви одни проблемы, Лера. Понимаешь? Никого... никого нельзя любить больше, чем любишь себя.

Лера кивнула, не желая расстраивать мать. Она тогда не совсем понимала, что значат ее слова. Осознание пришло только годы спустя, когда Таир навсегда уехал.

– Мама! Мама! Звонят в дверь...

Пока Лера плутала в лабиринтах памяти, Тёмка совсем перепачкался.

– Что?

– Говорю, в дверь звонят!

Так вот откуда этот противный звук. Лера быстро вытерла руки полотенцем и выскочила в коридор. У двери замерла, не решаясь посмотреть в глазок. С силой выдохнула и снова втянула носом воздух. Подошла еще на шаг, повторяя про себя бесконечные «я не боюсь, я не боюсь»...

В облаках сигаретного дыма на площадке переминалась с ноги на ногу Элеонора Дмитриевна – Лерина правая рука. Ей одной она сообщила свой новый адрес.

От облегчения подкосились ноги. Лера загремела замками. С непривычки крутила не туда и не то. Наконец разобралась.

– Звоню-звоню тебе все утро, а телефон вне зоны! Я уж было решила, случилось чего.

Дмитриевна размотала шарф, бросила на пол и, наступая на задники, избавилась от валенок.

– Извини. Пришлось выключить телефон. Мне звонят все, кому не лень. Сама понимаешь.

– И ты ничего умнее не придумала?!

От возмущения Дмитриевна закашлялась. Лера была уверена, что если похлопать ту по спине, из её ушей непременно повалит осевший в легких дым. Поэтому отказалась от этой мысли и просто пожала плечами.

– А что мне было делать?

– Рассказать всем и каждому, что за человек этот му...

– Дмитриевна!

– Му... жчина. Я хотела сказать – мужчина.

Ага. Как же... Хотела она. Более несдержанной в выражениях особы Лера за всю свою жизнь не встречала. И чем старше становилась ее заместительница, тем хуже было. Может, за это Лера так сильно её полюбила? Сама она так не могла. Всю жизнь она только то и делала, что подбирала слова. Из всех своих сил избегая любых конфликтов.

– Ты же знаешь, мне не нужен скандал.

– Да уж, еще бы! – фыркнула Дмитриевна. – Привет, Тёмыч. Как дела?

Старуха и мальчик залихватски ударили по рукам.

– Так ты по делу мне звонила?

– А когда я тебе звонила по другому поводу?

Да тысячи раз! Вот хотя бы когда вычитала в Космополитене о том, что Гвинет Пэлтроу выпустила свечи с ароматом собственной... хм... собственного пестика. Лере пришлось выслушать получасовую лекцию о том, что вовсе не для этого Дмитриевна в числе миллионов других женщин по всему миру столько лет боролась за свои права.

– Так что случилось?

– А вот что! Уваров любезно принял приглашение посетить наш благотворительный вечер! – торжественно заявила старуха.

Половник выпал из Лериных рук и отскочил в сторону. Дмитриевна удивленно на нее уставилась.

– Как согласился? Он же... никогда... Он же...

– Ну, а теперь нашел время! Ну, не хитрец ли?! Твой Ис-
аев окончательно озверевает!

Глава 4

Сделав свое сенсационное заявление, Лера затаилась. Больше ее никто не видел. Она не появлялась на публике и не давала каких-либо комментариев. Лишь ее адвокатша иногда выступала с короткими заявлениями от имени клиентки. Например, вчера она заявила о том, что Исаев так и не вернул жене паспорт. И что из-за этого та теперь вынуждена обратиться в полицию. Вот, пожалуй, и вся информация, которая поступала в прессу из достоверных источников. Все же остальные сообщения были не более чем догадками журналистов, которые основывались на рассказах «близких к семье источников». Или вдруг откуда-то взявшихся свидетелей жестокости Исаева. Портье в какой-то гостинице. Бывшие слуги. Санитарка, уволенная из частного медицинского центра, в который Лея якобы обращалась после избиения...

Таир тщательно отслеживал всю поступающую на этот счет информацию. Сам. Не привлекая к этому процессу помощников. Потому что это было сугубо личное. Никто из его окружения даже не догадывался, как глубоко уходили корни их с Лерой истории. Все они думали, что его интерес вызван лишь желанием выкрутить сложившуюся ситуацию себе в плюс. Выиграть выборы. И это именно так и было... наверное.

– Чертова реклама! Как найти что-то полезное в этом во-

рохе хлама?! – проворчал отец, перебирая почту.

Таир отвлекся от монитора. Было воскресенье. По воскресеньям они с отцом обычно играли в шахматы. И теперь тот дожидался, когда он освободится, сидя в кресле у разожженного дровяного камина.

– Даже не представляю, что ты хочешь там найти.

– Может быть, затерялось что-то важное. Реклама, еще реклама, еще больше рекламы... А это что? Пригласительный на благотворительный рождественский бал?

Таир пожал плечами и снова уткнулся в монитор. Ему на имейл как раз пришел отчет из охрannого агентства Белых, который сопровождался несколькими фотографиями – подозрительной машины, дежурившей круглыми сутками у дома Леры (никто не сомневался, что это люди Исаева), но, главное, там было фото её самой. За руку с ребенком. Таир смотрел на эти фотографии и никак не мог уложить в голове. Лера – мать. Маленького смешного мальчика. Когда... куда ушли все эти годы?

– Таир!

– Да? – тряхнул головой.

– Ты же не собираешься туда идти?

– Почему нет? Это отличный информационный повод.

– Это её благотворительный фонд! Ты что, забыл, о чем мы с тобой разговаривали?

– Её... не её. Какая разница? Я просто хочу помочь детям.

– Ты сейчас кого пытаешься обмануть?

Никого! Никого он не пытался обманывать. Таир вообще не понимал, почему он должен перед кем-то отчитываться. Пусть даже перед отцом. Он давно уже взрослый и сам вправе решать, что ему делать. И куда ходить.

– Это не обсуждается, – холодно заметил он.

– Тебя заносит! Включи голову. К черту всю эту сентиментальщину!

– Я очень трезво мыслю, отец. Ты прекрасно понимаешь, как нам на руку то, что происходит, – устало вздохнул Таир и, чтобы поставить точку в неприятном ему разговоре, подтолкнул к креслу небольшой столик на колесиках, на котором еще с прошлой игры пылилась шахматная доска с расставленными на ней фигурами.

– По-моему, мой ход.

Игра шла неторопливо. Таир подолгу пялился на поле, но один черт совершал одну ошибку за другой. Его мысли были далеко-далеко... Вне этих стен и комнаты. В том времени, когда ему снова было двенадцать. В небольшой комнатке над хозяйским гаражом, которая на долгие шесть лет стала его домом.

– Как такое случилось? – допытывался отец о его приключениях на реке.

– Я же говорил. Лея просто свалилась в воду.

– Это я понял. Но ты очень рисковал, Таир! Очень...

– А что мне нужно было делать? Смотреть, как она тонет?

Отец открыл рот. В то время он носил пышные усы.

– Нет, но... Черт, сынок! Ты не можешь всех спасти. А что, если бы ты тоже свалился в омут?

Таир улегся в кровать и отвернулся к стенке. Даже двенадцатилетний, он понимал, куда отец клонит. Потому что чувствовал практически то же, что и тогда, когда очнулся после аварии и понял, что не может помочь зажатым матери и сестре выбраться из покореженной машины. Они умирали на его глазах, а он ничего... абсолютно ничего не мог сделать. Их он не спас, несмотря на все усилия. Лее повезло больше.

– Все нормально, пап. Я крепко держался.

– Почему ты вообще за ней пошел? Ведь я велел тебе оставаться в кухне.

– Не знаю. Просто ей было плохо, и я...

Он не знал, что сказать. Просто поддался порыву. Было что-то такое в ее глазах, что он просто не мог оставаться на месте. И даже вкусный торт стал ему поперек горла. Вот так...

– Ясно... Сынок?

– Да?

– Ты молодец. Я горжусь тобой.

Отец похлопал Таира по плечу. С его стороны это было высшим проявлением чувств. Не поворачиваясь, чтобы не расплакаться, как последний дурак, Таир качнул головой и буркнул что-то невнятное. Поддел ногтем чуть отошедшие обои. Ремонт в домике был отличный, но именно в этом ме-

сте имелся небольшой изъян. Отец постоял еще недолго возле его кровати, потоптался в дверях...

– Ты же понимаешь, что просто не мог помочь маме, правда? Никто не смог бы. Даже у взрослого не получилось бы.

Таир стиснул зубы и кивнул. Отец снова переступил с ноги на ногу. Помедлил. Он что-то явно хотел добавить, но не решался.

– Знаешь, Лея – хозяйская дочка. Не думаю, что тебе следует с ней водиться.

Так своеобразно он указывал ему на место. Не то чтобы Таир этого не понимал. Да и не было у него желания возиться с сопливой девчонкой. Просто... она ему напомнила сестру. Вот и все. Ассоциации – странная штука. К тому же на несколько километров вокруг не было ни одного жилого дома. Значит, не было и детей, с которыми Таир мог бы подружиться. Когда отец на следующий день приступил к работе, мальчик остался абсолютно один. А Лея была одна столько, сколько себя помнила... Наверное, в тех условиях они не могли не сблизиться. Или что-то другое толкало их навстречу друг другу, как знать?

Мучаясь от безделья, он поплелся на реку, обошел луг и набрел на заброшенный дом из старых, еще довоенных дач. Постройка изумляла своей архитектурой. И походила на кукольный домик. Такие же башенки и балкончики... От времени краска почти полностью облупилась, и посеревшее дерево было всего на несколько тонов светлей затянутого ту-

чами неба.

Таир обошел поросший подорожником и дикой мальвой двор. Мимо деревянной покосившейся будки и старых, подвешенных к огромной груше качелей. Осторожно надавил, проверяя прочность креплений, и, решив, что те достаточно надежные, сел. Начал накрапывать дождь. Но вместо того, чтобы вернуться домой, Таир оттолкнулся одной ногой от земли. Крепления скрипнули. Небесную фольгу насквозь прошила молния, и грянул гром. И вот тогда он это и услышал. Собачий вой... Таир соскочил с качелей и пошел на звук. Собаку он обнаружил под прогнившими половицами крыльца. Оперся на колени, просунул голову в огромную щель, в надежде разглядеть, что там происходит, но глазам еще нужно было привыкнуть к темноте. Землю сотряс очередной раскат грома. К вою собаки присоединился странный писк.

– Да у тебя здесь щенята!

Сколько их было, Таир не разобрал. Осторожно протянул руку, но собака угрожающе зарычала.

– Эй! Я тебя не обижу! – усмехнулся мальчик, ничуть не испугавшись, однако руку убрал. Чтобы не нервировать псину. – Ты, наверное, голодная...

Пока он возился, начался настоящий ливень. А до дома был долгий путь. Таир продрог до костей, пока добежал. Ворвался в кухню, напугав Ньюру.

– Это где тебя носило?! Вы только посмотрите, сколько

грязи налипло! Ну-ка, быстро снимай кроссовки... Нечего мою кухню топтать!

Таир немедленно разулся у двери. Взял из рук экономки полотенце и послушно вытер бегущую по лицу воду.

– Я хотел спросить... – запыхавшись, пробормотал он, – нет ли у вас какой-нибудь косточки. Ну, или другой ненужной еды... Я нашел только что ошенившуюся собаку...

– Собаку?! Где?

Таир обернулся и, наконец, увидел Лею. Сегодня на ней были джинсовая юбка и футболка-поло. Никаких тебе балльных платьев, а она все равно выглядела как принцесса. Поймав себя на этой мысли, Таир ужасно смутился.

– В заброшенном доме за рощей.

Глаза Леи горели возбуждением и неподдельным интересом.

– Покажешь?

Не видя причин не сделать этого, Таир неуверенно пожал плечами. Этого Лее оказалось достаточно. Она обернулась к Нюре:

– Нюр, дай нам самую-самую большую косточку!

– И не подумаю! Глянь, что за окном творится!

– Ну, пожалуйста, Нюр... Там же настоящая собака...

– И щенки, – вставил Таир.

– Ничего. Как-то они без вас выжили. Потерпят еще денек.

Лея бросилась спорить, но экономка была непреклонна. В

конце концов, и Таир был вынужден согласиться, что им лучше подождать, когда закончится дождь. Он клятвенно пообещал взять Лею с собой, когда погода улучшится. Остаток вечера они провели в тепле и уюте кухни, болтая обо всем на свете. В печи уютно потрескивал огонь, от грубы волнами исходил печной дух. Таиру чудилось, что это дыхание дома. Они разошлись ближе к вечеру, когда вернулся Калинин-старший.

– Шах и мат!

– Что?

– Шах и мат, говорю! – довольно кряхтя, отец растер ладони.

Прошное отпускало нехотя. Может быть потому, что Таир так редко к нему возвращался... Когда он понял, что время ни черта не лечит, то бережно разложил свои воспоминания по шкатулкам и затолкал в самые дальние тайники памяти. Просто, чтоб не сдохнуть с тоски.

Врываясь в мысли, неожиданно громко зазвонил телефон. Меланья. Замечательная девушка. Из хорошей семьи. На которой он, поддавшись уговорам отца, едва не женился. Она тоже получила приглашение на бал. И теперь интересовалась их планами. А вот Таиру было любопытно, по какому принципу эти самые приглашения рассылались. Участвовала ли Лера в составлении списка гостей? И что при этом испытывала? Вспоминала ли она о том времени? А если да, то с какими чувствами?

И почему вообще он об этом думает? Прикидывает в уме, примет ли она его помощь?

Таир быстро свернул разговор с любовницей и перевел взгляд на огонь.

– Все нормально? – поинтересовался отец.

– Более чем.

– Вот и хорошо. Тебе нужно думать о будущем. Твоему имиджу пойдет на пользу женитьба. Избиратели недоверчиво относятся к холостякам. Ты бы сделал ей уже предложение, что ли? Отличный повод заставить о себе говорить. Да и девочка вечно тебя ждать не будет.

Не сказать, что Таир и сам не думал об этом.

– Посмотрим.

– Значит, на этот бал ты пойдешь с Меланьей?

Таир замер. Покрутил в руках фигуру ферзя и покачал головой:

– Нет.

Отец вскинулся:

– Почему?

– Это очевидно. Там я надеюсь увидаться с Лерой.

– Зачем?

– Обсудить ситуацию. Помочь ей... – пожал плечами. – В конце концов, ты и сам говорил – мне на руку то, что случилось.

– Да ты с ума сошел! Господи! Вы не общались почти двадцать лет. С тех пор прошла целая жизнь... Зачем тебе это?

– Затем, что мне нужно держать эту ситуацию на контроле! – начал раздражаться Таир. – Сейчас мы на коне, да. Но что, если он на нее надавит? Заставит отказаться от своих слов? Ты ведь знаешь, что такие, как Исаев, не отступят. Уверен, он точно знает, как её продать. Не зря же она столько терпела такое к себе отношение?!

– Она – дочь своих родителей, Таир. Она – жертва. Ты не подумал, что ему и делать ничего не нужно будет? Эта глупышка сама к нему вернется, когда соскучится по острым ощущениям.

– Это говорит лишь о том, что ты совершенно ее не знаешь.

– А ты, выходит, знаешь? Да открой же глаза! Прошло без малого восемнадцать лет. От девочки, с которой вы дружили в детстве, уже давно ничего не осталось.

– Может, так, – был вынужден согласиться Таир. – А может, нет. Вот это мне и нужно выяснить.

Глава 5

В комнате было накурено. И из-за этого у Павла Исаева горчило во рту. А может, потому, что его, взрослого успешного мужика, вычитывали, как последнего сопливого мальчика. Ну, ничего, маску он умел держать как никто. Незаменимое качество для политика любой величины. Всю свою жизнь он только и делал, что приспособливался и изворачивался. Ему было не привыкать молчать, когда орать хочется. Срывался он редко. И в основном дома.

– Паша, я что-то не пойму, дорогой... Ты вообще меня слушаешь?

– Да, Николай Петрович, конечно. Но вы должны понимать – это семейный вопросы. Они касаются исключительно нас с женой.

Он это повторял уже по тысячному кругу, но, кажется, никто его словами так и не проникся. Важаев раздраженно задушил сигару в пепельнице и уставился на Исаева непривычно зло.

– Это перестало быть твоим личным делом, когда серьезные люди поставили на твою кандидатуру, Паша. И если твои семейные дела влияют на исход выборов – это плохо. Это очень и очень плохо. У нас возникают сомнения.

– Я понимаю...

– Ни черта ты не понимаешь. – Важаев тяжело поднялся

из кресла. Его, Пашиного кресла, в которое тот уселся, чтобы так неприкрыто указать ему на место. Словно у них тут гребаный детский сад! – Твой рейтинг обвалился.

– Ничего. Как обвалился, так и поднимется вновь, когда Лера... – тут Павел замешкался, потому что не мог подобрать слов, и бросил короткое: – Одумается.

– Наверху не уверены, что это произойдет.

– Наверху мою жену не знают.

– Ты отдал ей документы? – вздернул бровь Николай Петрович. Исаев сглотнул. – Нет? Ты чем вообще думаешь, Паша?

– Да не знаю я, куда она дела свой паспорт! – злясь сам на себя, на то, что публично приходилось обсуждать такие интимные вещи, рывкнул Исаев.

– Тогда помоги ей его найти, – тяжелый взгляд придавил его к полу. – И дай развод. Если иначе никак.

Да что они все, сговорились?! – подумал Павел. Лично он разводиться не собирался. Никогда. Едва ли не больше власти и денег он любил свою жену. Они были счастливы, прожили вместе почти пятнадцать лет... Да, в последнее время он все чаще срывался, что немудрено, учитывая то, в каком напряжении он жил и работал. Но, несмотря на это, Павел нисколько не сомневался, что жена поймет его и простит. В конце концов, он для нее старался! Для их сына... Их будущего! Все, что он делал, он делал для них.

– Паша!

– Да слышу я!

– Этого мало. Действуй. У тебя двадцать четыре часа.

Когда дверь за Важаевым захлопнулась, Павел мысленно посчитал про себя до ста, а потом схватил стул и что есть силы ударил о стену. На грохот из приемной прибежала девочка-секретарша, но тут же снова испуганно закрыла за собой дверь, когда он швырнул в нее тяжелым ониксовым пресс-папье. Вспышки ярости, которые он не мог контролировать, отнимали кучу энергии. После Павел чувствовал себя измученным и ни на что неспособным. Но больше всего его пугало то, что он ни черта не помнил из того, что творил. Будто на него в такие моменты снисходило затмение. Вот и сейчас он сидел, с изумлением разглядывая свой разоренный кабинет. Что случилось? Почему он дышит, как марафонец на финише? Откуда эта кровь на костяшках?

– Какого... Что здесь произошло? – донесся сквозь туман голос помощника. Исаев тяжело оперся на пол рукой. Встал, покачиваясь, как пьяный.

– Что ты хотел? – просипел он.

– Николай Петрович сказал, что у нас организована встреча в офисе Вишневой. Я хотел спросить, что...

– Кто это?

Исаев достал влажные салфетки и принялся методично оттирать ладони от крови. Несколько капель упало на манжеты, безнадежно испортив дорогую рубашку. Павел дернул головой. В ушах все еще шумело, слова помощника доходи-

ли с трудом.

– Как кто? Юля Вишневая. Адвокат Валерии Николаевны.

– Моей жены.

– Что?

– Адвокат моей жены!

– Я так и сказал. Не так ли?

– Нет, Сережа. Ты сказал – Валерии Николаевны. Будто она – что-то отдельное от меня.

– Господи, Паш, по-моему, ты сходишь с ума, – вздохнул Булатов.

– Разве я интересовался твоим мнением?

Сергей вскинул перед собой ладони:

– Нет, конечно. Чего это я и вправду? – и тут же переключаясь, добавил: – Так что прикажешь делать с Вишневой? Назначать встречу? Нет? Важаев ясно дал понять – они ждут, что ты решишь... эм... все вопросы с женой.

Да уж. Ждут. А значит, у него просто нет иного выхода. С другой стороны, тогда ничто не помешает Лере подать на развод. Разве он мог это допустить? Как будто у него был выбор... Ломая себя, наступая на горло собственной песне, Павел бросил:

– Скажи, что я буду у нее через час.

Булатов кивнул и торопливо вышел из кабинета. Исаев подошел к столу. Дернул верхний ящик. Паспорт Леры лежал поверх других документов. Он взял его в руки. Открыл на первой странице. Лера была удивительно фотогенична. Па-

вел провел пальцами по вклеенной фотографии и коснулся букв – Исаева... Валерия Исаева. Так правильно его!

Как он злился, что кто-то решил, будто может диктовать ему свои условия. Решать, как ему жить. Что делать. Все такие чистенькие. Аж тошно. Впрочем, он сам виноват. Нужно было играть по правилам. Его ошибка в том, что он сверкнул изнанкой. Продемонстрировал, что у идеально сотканного полотна жизни есть обратная сторона. А на ней – узелки, торчащие нитки и другие изъяны. Такое не прощалось.

– Может, лучше я сам?

Павел взял хрустальный графин и плеснул воды в стакан. Пил он жадно, с губ стекали тонкие струйки воды, которые тот стер размашистым жестом руки.

– В каком смысле?

– Зачем тебе там мелькать? Наверняка у офиса дежурит пресса.

– Значит, тебя тоже узнают. А потом напишут, что я не в состоянии сам разобраться с женой, – отделался полуправдой Павел. Для встречи с адвокатшей Леры у него имелся повод посерьезнее.

– Смотри, как знаешь. Только... Паш, я тебя прошу, не надейся глупостей.

– Ты забываешься, Сережа.

– А ты все хуже себя контролируешь, – смело парировал Булатов. – Хорошо бы тебе понять это. И принять какие-то меры. Пока не поздно...

– Я, кажется, велел тебе договориться о встрече, – отчеканил Павел. В голове опять пульсировало. Так всегда бывало перед очередной вспышкой. Исаев вернулся за стол. Растер переносицу. Через несколько минут ему сообщили, что встреча назначена.

Когда Павел шел по гулким коридорам бизнес-центра, ему казалось, что на него обращены взгляды всех присутствующих. Стоило ему отвернуться, как они начинали смеяться над ним и тыкать в него пальцем. Он упрямо шагал, устремив взгляд в пол и сжимая кулаки все сильнее. В офис Вишневой он зашел злой, как черт.

– У меня назначено, – рявкнул секретарше.

– Конечно, Павел Владимирович... Прошу!

Его проводили в небольшую, но уютную переговорную. В которой никого, кроме него, не оказалось.

– Чай? Кофе? Или воды?

– Вашу начальницу! У меня мало времени.

Секретарша ничего даже не успела ответить, когда дверь распахнулась, и в кабинет вошла красивая брюнетка. Надеясь ту смутить, Исаев демонстративно обвел ее взглядом и без приглашения прошел к креслу во главе стола. Усевшись, по факту он провернул трюк, который совсем недавно в кабинете его самого исполнил Важаев. Ему нужно было отыграться. Хоть на ком-то. Но Вишневая даже бровью не повела.

– Спасибо, Таня. Можешь быть свободна.

Секретарша скользнула за дверь. Юлия устроилась в кресле

напротив.

– Признаться, я готовилась к встрече с вашими адвокатами.

– Что ж. Вам повезло.

– Послушайте, Павел Владимирович, зачем нам воевать, если вопрос можно решить полюбовно?

– Это каким же образом?

Исаев рассматривал холеную девку, с трудом сдерживая желание стереть ее профессиональную улыбку ударом кулака. Он был уверен, что это она во всем виновата. Самой Лере и в голову бы не пришло с ним развестись. Пока эта тварь не вошла в их семью, все было хорошо.

– Главное требование моей клиентки – развод. Вы принесли паспорт Валерии Николаевны?

Паспорт жены лежал у него во внутреннем кармане пиджака. И будто бы жег. Будь его воля – он бы никогда его не отдал. Но ведь ему ясно дали понять, что документ вернуть надо, иначе все, к чему он столько лет стремился, пойдет по боку.

– Да, вот, нашел в одной из Лериных сумочек. Она такая рассеянная...

Конечно, он сделал вид, что не отбирал у жены документы сознательно. Конечно, Вишнева сделала вид, что ему поверила.

– Спасибо. Так вот, что касается развода...

– Его не будет. Так Лере и передайте. А впрочем, я сам ей

скажу. Вы же не думали, что она сможет от меня скрыться, правда?

Павел протянул руку и, взяв винтажный нож для бумаги, покрутил тот между пальцами.

– Павел Владимирович, вы же понимаете, что развод все равно состоится. И для вас, и для Валерии Николаевны будет лучше, если это произойдет как можно скорей.

– Я так не думаю. Пройдет неделя-вторая, и Лера вернется домой, – Павел резко встал, прошел мимо стола и замер, склонившись над адвокатшей. – И знаете, что потом? Кто окажется крайним в том, что случилось? Вы.

– Вы сейчас мне угрожаете?

– Даже не сомневайтесь. Я со свету вас сживу.

– Не бойтесь, что наш разговор записывается?

К чести адвокатши, ее голос звучал уверенно.

– Бояться нужно вам, Юлечка. На вашем месте я бы внимательно смотрел по сторонам.

– Вы переходите все границы. Мы вам предлагаем решить все вопросы цивилизованно, в рамках правового поля...

– Это вы их перешли, когда влезли в мою семью. Кстати, – Исаев сделал вид, будто вот только об этом вспомнил, – если уж речь зашла о праве... Разве наши законы не предоставляют родителям равные права?

– Вопрос об установлении места проживания вашего малолетнего сына будет решаться в рамках отдельного судопроизводства.

– Отлично. Но пока этого не случилось... я имею все права на то, чтобы с ним увидеться?

– Безусловно.

– Тогда передайте моей жене, что я горю желанием воспользоваться этим правом немедленно. В противном случае, я тоже буду вынужден... – взгляд Исаева замер на груди адвокатиши, – принять меры.

Конечно, он и сам мог бы ей это сказать, но это бы не принесло ему никакого удовольствия. Теперь он хотел, чтобы Лера искала с ним встречи. Чтобы она боялась. Чтобы она, наконец, поняла, что с ним ей гораздо лучше и спокойнее, чем без него. Он долго за ней бегал, а теперь решил, что хватит... Пришла пора действовать решительно. Павел был уверен, что его жена объявится. Слишком хорошо он ее изучил за почти пятнадцать лет брака. Сын дался им так нелегко, что она ни за что не стала бы рисковать его спокойствием. Только не подумайте, что он бы стал как-то тому вредить. Тёмку он любил. Просто у них с женой были разные представления о его воспитании.

Остаток дня Исаев просто ждал, когда его сбежавшая жена объявится. Его терпение было вознаграждено уже вечером. Он так явно представлял, как старательно Лера до последнего откладывала этот звонок. И кипел. Ведь раньше у них все было по-другому.

– Я уж думал, ты не позвонишь.

– Почему? Я не имею ничего против твоих встреч с Тёмой.

– Тогда почему последние две недели ты его от меня прячешь?

– Потому что ты не оставил мне выбора, Паша. И тебе об этом прекрасно известно. Ты каждый раз мне его не оставляешь... – устало вздохнула Лера.

– Глупости. Ты что-то себе придумала, а твоя адвокатша, уж не знаю, какие цели она преследует, подлила масла в огонь.

– О господи! Да когда же ты поймешь, что никто меня не накручивал, Паша? Я просто не люблю тебя больше! И быть с тобой не могу. Потому что жизнь в постоянном страхе – это не жизнь.

– Каком таком страхе?

– За свою жизнь. За то, что ты однажды не остановишься.

– Ты опять все преувеличиваешь. Да, в последний раз я... – он ничего толком не помнил, он даже до конца не поверил, что это он с ней такое сотворил, когда ярость схлынула. – Я налажал. Но такого больше не случится. Я ведь пообещал.

Тяжелый вздох был ему ответом. И долгое-долгое молчание. В нем закипала вина. И снова ярость. Диаметрально противоположные чувства разрывали его на части.

– Ладно. Похоже, в этом вопросе мы не продвинулись. Предлагаю вернуться к цели моего звонка... Я ничего не имею против ваших встреч с Артемом. Но пока мы все не уладили, мне бы хотелось на них присутствовать.

Павел улыбнулся. Потому что именно этого он и добивался.

Глава 6

– Лера! Вы меня слышите? Я не уверена, что вам стоит идти на эту встречу. Мне кажется, это какая-то уловка...

– Думаете, он украдет меня на глазах посетителей огромного торгового центра? – Лера выдавила улыбку. Вроде бы за столько лет она должна была привыкнуть улыбаться, когда совсем не хочется, но нет. В последнее время ей это давалось все труднее и труднее. Будто мышцы лица сковала глиняная маска, которая каждый раз, стоило ей улыбнуться, шла трещинами и испарывала острыми черепками кожу.

Лера отвернулась к окну. С высоты казалось, что озябший город стыдливо спрятался под сотканным из облаков одеялом. В висках давило. Так сильно... до рвотных спазмов в желудке. В окно бился то ли дождь, то ли снег.

– Я думаю, что он будет действовать тоньше. Такие люди знают, на что надавить, чтобы выкрутить ситуацию в свою пользу.

– Юля, скажите честно, вы опасаетесь, что я к нему вернусь, и все ваши усилия будут напрасными?

С губ адвокатши слетел придушенный смешок. Она усмехнулась и как-то даже растерянно провела рукой по волосам.

– Если честно, в таких ситуациях я ничему уже не удивляюсь. Женщины... – она вздохнула. – Некоторые женщины

подсаживаются на такие больные отношения. Со временем у них формируется даже некая адреналиновая зависимость. Сродни наркотической.

Да. Лера понимала, о чем Юля говорит. Ее мать от этой зависимости так и не избавилась. До самой своей смерти она терпела побои отца. И некоторое время Лера думала, что повторяет ее судьбу. Пока не поняла, что в браке с Исаевым она вовсе не острых ощущений ищет. Нет... Она бежит. От своего одиночества. От преследующего годами чувства собственной никчемности и ненужности. Корни её проблемы, по сложившемуся сценарию, уходили глубоко-глубоко в детство. Лере казалось, что воспоминания её преследуют. Что бы она ни делала, чем бы ни занималась, в мыслях она каждый раз возвращалась туда. Эти мысли впивались в нее крючками. Причиняя адскую боль. Но в то же время бывали моменты, когда ей казалось, что только благодаря этим крючкам она все еще держится на поверхности...

– У меня немного другая ситуация, – улыбнулась Лера. – Так что не волнуйтесь. Ваши труды не будут напрасными.

– Вы все же решили пойти?

– А разве я могу поступить иначе? С точки зрения закона?

– Нет, – отвела глаза Юля.

– Значит, выбора у меня нет. Остается надеяться на благоразумие Павла.

– Может быть, все же охрану?

На этот раз Лера рассмеялась искренне:

– О, нет. Вокруг меня вьется столько народа, что кому-то еще, боюсь, попросту не найдется места.

– Павел так и не отозвал своих топтунов?

– Нет.

Лера вычислила приставленных к ней людей практически сразу же. Во-первых, потому что находилась под охраной большую часть своей жизни, а во-вторых, потому что люди Исаева особенно и не прятались. Казалось, напротив, они специально маячили перед глазами, будто напоминая ей, что от него не скрыться. Или... запугивая. Может, это им бы и удалось. Если бы кроме них Лера не заметила еще кого-то. Точнее она никого другого не видела. Эти товарищи ничем себя не выдали. Но она постоянно ощущала их незримое присутствие. И вот это незримое пугало ее в гораздо большей степени, чем показное. Она не понимала, кто за ней приглядывает, и с какой целью. У нее не было даже догадок. Все они казались какими-то глупыми и несостоятельными.

– Лера...

– Да?

– Я знаю, это сейчас прозвучит безумно, но вы не думали обратиться за помощью к Уварову?

– Ч-что? – Лера открыла рот. Она никогда и никому не рассказывала о своем прошлом, так откуда Вишневая...

Прерывая ее мысли, Юлия пояснила:

– Обычно я против вмешательства политики в такие дела, но в вашем случае... Я думаю, ничего плохого в этом не бу-

дет. Таир Артурович может вам помочь.

– Зачем бы он стал это делать?

Вдруг стало жарко. Леру бросило в пот. Она схватила журнал и принялась энергично обмахиваться.

– А что тут непонятного? Павел – его соперник на выборах. Вряд ли Уваров упустит возможность его утопить.

Сама не понимая, что делает, Лера затрясла головой.

– Нет-нет, я ни к кому не стану обращаться. Тем более к Таиру.

Она так разволновалась, что не заметила, как внимательно на нее уставилась адвокатша. Таир? Вот так просто?

– Это просто предложение. Нет так нет.

– Да. Да... Конечно.

Лера заправила за уши выбившиеся пряди, огромным усилием воли возвращая себе самообладание.

Обратиться к Уварову. Это ж надо! Нет, теперь, поразмыслив, она, конечно, поняла, как такая идея пришла в голову Юле, но... Она не смогла бы. Ни за что не смогла бы обратиться к нему за помощью. Ведь всю свою жизнь с тех пор, как он навсегда уехал, Лера только то и делала, что доказывала ему и себе, что это не имеет значения. Что она, черт его все дерит, счастлива. Даже понимая, что теперь ему наверняка было на то плевать, она все равно что-то ему доказывала. А возможностей для этого в последнее время было сколько хочешь – они все чаще встречались на светских раутах и... О, как она играла! Смотрела, будто сквозь, улыбалась,

но как-то дежурно. Словно не могла припомнить, кто он такой. Но правда в том, что даже сейчас ей хотелось крикнуть – почему?! Почему ты меня оставил? Как ты мог? За что ты так поступил с той влюбленной в тебя по уши девочкой?

Дверь открылась. Из приемной выглянул Тёмка.

– Мам, ну ты еще долго? Я весь чешусь!

Мальчик уморительно скривился и дернул ворот толстого шерстяного свитера.

– Нет-нет. Мы уже идем. Кажется, мы все обсудили?

Адвокатша кивнула.

Быстро собравшись, они спустились на лифте вниз. Артем и впрямь весь извелся и теперь капризничал. Заговаривая сыну зубы, Лера пристегнула его в кресле и села за руль. Она не могла поверить своим глазам, когда в один из дней обнаружила свою машину, припаркованную под окнами. Так Павел пытался ее задобрить. Тактика была хорошей и раньше бы вполне могла сработать.

Прогрев мотор, она проехала между стройных рядов машин, а уже на самом выезде из паркинга резко ударила по тормозам, чтобы не задавить непонятно откуда выскочившую собаку. Кто-то сзади возмущенно просигналил, но Лера выждала еще несколько секунд, чтобы немного улеглась дрожь в руках. И только потом выехала на оживленную улицу. Как-то не везло ей с собаками.

От встряски ожили воспоминания и утащили ее за собой.

Два дня потребовалось дождю, чтобы вылиться, кажется,

всему до капли. Это были чудовищно длинные дни. Ожидание не скрашивала даже обязательная поездка по магазинам, которую им с Нюрой устраивал отец в преддверие каждого нового учебного года. Хотя обычно Лере очень нравилось выбирать себе новенькую канцелярию и примерять школьную форму. Форма в их гимназии была у всех одинаковая, и шили ее в одном единственном ателье, принадлежащем пожилому еврею.

И вот, спустя долгие два дня, наконец, выглянуло солнце. Лера вскочила с кровати, подбежала к окну, из которого открывался отличный вид на опустевший двор. Убедившись, что отец со своими помощниками уехал, она быстро переоделась и помчалась сначала к Нюре за едой собаке, а потом к гаражу. Таир уже не спал.

– Ну?! Сколько тебя ждать?

– Чего? – недоуменно моргнул тот.

– Ты обещал мне показать щенят! Забыл, что ли?

– Да нет, но...

– Тогда пойдем! – не дав договорить, Лера схватила мальчика за руку и потащила за собой по крутой, уходящей вниз лестнице.

– Надеюсь, они не померли с голоду.

– Не померли.

– Почему ты так в этом уверен?

Лера неожиданно остановилась, а Таир, который в этот момент как раз отвернулся, испытывая неловкость, чуть бы-

ло на нее не налетел.

– Просто.

– Ты что, ходил к ним, да? Без меня?!

– Тебе же ясно сказали – нельзя.

– А ты всегда делаешь, что тебе говорят?

– Нет. Только Нюра была права. Тащиться туда в такую погоду было довольно опасно.

– А вот и нет!

– А вот и да.

Лера нахмурилась. Сжала тонкие пальцы на его запястье сильнее и, как будто это ничего не значило, шепнула:

– Ну и пусть. Мне с тобой ничего не страшно.

Таир широко распахнул глаза. Открыл рот, но так и не нашел нужных слов. Было что-то обезоруживающее в ее ответе. То, что навсегда прекратило их спор. И вообще любое желание спорить. Вместо этого его обуяло странное чувство. Скорее даже желание. Соответствовать её ожиданиям. Он облизал губы, резким движением, настойчиво поворачивая рукой, освободил запястье и уже сам переплел их пальцы, прежде чем идти дальше. Прекрасно понимая, что если бы их вот так кто-то увидел из сверстников, насмешек было бы не избежать. Да и плевать. Здесь не было больше детей. Долгое время они притворялись, что никого вообще не было. Только они. Одни во всем мире.

– Вот... Смотри!

Опустившись на колени у крыльца, Таир просунул руку

в щель и осторожно пошарил под половицами. Собака рыкнула. Лера испуганно дернулась, но Таир не дал ей отойти. Удержав ее за руку, он покачал головой:

– Она совсем не злая. Просто защищает своих щенят.

– Может, тогда не будем их трогать?

– Да нет же. Она не против. Вот смотри...

И он извлек на свет маленький коричневый комочек. Щенку от роду было чуть больше недели. Глазки и те открыты не полностью. Да и, в общем, он больше походил на маленького крысенка. Но Лере было все равно.

– Он такой милый!

Она оторвала восторженный взгляд от щенка и уставилась на Таира. Тот смотрел на нее как будто растерянно. Не совсем понимая, что это за чувство, от которого у него внутри будто оживают бабочки. И щекочут... щекочут крылышками внутри. А во рту сохнет. И сердце стучит так оглушительно громко, что звук больше походит на раскаты грома.

Таир отвернулся. Поддел пальцем кусочек изумрудного мха, которым здесь все поросло.

– Ты могла бы забрать одного себе. Ну, когда они немного подрастут...

Лера вздохнула:

– Не думаю. Отец, наверное, не разрешит. Он ведь совсем не породистый.

Будто обидевшись на ее слова, щенок запищал сильнее. Лера хихикнула. И извиняясь, звонко чмокнула его в ма-

ленький кожаный нос.

– А какая разница? Породистый... или нет.

– Для отца – большая.

Лере было всего восемь лет, но когда их взгляды с Таиром вновь встретились, ему на мгновение показалось, что он разговаривает с древней старушкой. Непонятно зачем он сказал:

– Ох и влетит тебе, если он узнает, что мы с тобой тут болтаем.

– Почему?

– Потому что я – не породистый! – засмеялся, вскочил на ноги и помчался куда-то за дом. Лера осторожно вернула щенка на место и побежала за ним. Но догнать Таира даже тогда было сложно.

В тот день они играли в догонялки, много смеялись, возились со щенками, а потом просто лежали в густой траве, глядя в небо. И болтали... Рассказывали о себе, о жизни. Пока еще избегая каких-то тем. Не потому, что не доверяли друг другу. Просто стыдились. Почему-то дети часто стыдятся того, что от них вообще никак не зависит...

– Мама! Мама, ты меня слышишь?!

– Да, милый?

Воспоминания отпускали нехотя. Постепенно. Будто осьминог – свою жертву. Одно щупальце за другим...

– Мы тут долго еще будем сидеть?

Лера растерянно осмотрелась по сторонам. Они были в

подземном паркинге торгового центра, в котором договорились встретиться с Исаевым. А она не помнила, как сюда ехала...

– Нет, конечно, нет. Отстегивайся.

– Я уже, – буркнул Тёмка.

– Вот и отлично. Папа ждет нас в Макдональдсе. Ты голоден?

Тёмка неуверенно повел плечами. То ли он не был голоден, то ли не очень понимал, зачем ему встречаться с отцом в торговом центре. Лера и сама не знала, какой черт ее дернул назначить встречу именно здесь. Толпа ей придавала уверенности. Исаев никогда не терял лица на людях. Только наедине...

Он встал им навстречу, когда они с сыном вошли в зал. Первым делом подхватил Тёмку на руки. Подбросил его, визжащего, к потолку. Ну, вылитый отец года. А потом, пересадив того на сгиб одной руки, второй крепко прижал Леру к боку. Она совсем не ожидала такого радушного приема, поэтому не успела запротестовать. И не увидела, как кто-то в толпе сделал несколько снимков на телефон.

Глава 7

– Вот! Полюбуйся!

Уваров-старший швырнул на стол перед сыном свой айпад и, не в силах скрыть недовольства, сложил на груди руки. Удивленный таким поведением отца, Таир отвлекся от документов и скосил взгляд на экран. А секундой спустя отвернулся, устало растерев переносицу.

– И? Что ты мне хочешь этим сказать? – тихо поинтересовался он.

– Я тебя предупреждал!

– О чем?

– О том, что она к нему вернется. Хорошо, что ты не успел сунуть нос в эту ситуацию. Только представь, каким идиотом ты бы себя выставил.

– Влезть... – Таир будто перекатил на языке это слово. И откинувшись в кресле, с прищуром взглянул теперь уже на отца: – Знаешь, даже интересно, как, ты думаешь, я бы это сделал?

– Все равно, как!

– Ты меня принимаешь за идиота?

Уваров-старший стиснул челюсти, и так отчетливо стало видно, как под кожей на гладковыбритых щеках задергался нерв. А потом медленно выдохнул.

– Нет. За мальчика, который терял голову каждый раз, ко-

гда дело касалось этой конкретной девочки.

– Как ты недавно заметил, мы давно уже выросли, – холодно заметил Таир.

– Думаешь, я не знаю, что ты приставил к ней охрану?

– И? Чем я рискую?

– В данном случае меня беспокоит сам факт! Это вообще не должно тебя касаться.

– Но ведь касается. И я уже тысячу раз тебе объяснял, почему.

Артур тихонько выругался. А Таир вернулся к своим бумагам, попутно еще раз незаметно взглянув на кричащий заголовок под фото четы Исаевых.

«Дочь президента вернулась к мужу?»

Даже зная, что это не так – он все равно поморщился. Еще пару часов назад приставленные к Лее люди доложили, что та встречалась с Павлом. Таир был убежден, что никакое это не воссоединение – она продолжала жить в снятой наспех квартире и съезжать оттуда вроде бы не собиралась. Да и слишком хорошо он понимал, как и для чего делаются такие снимки. Был только один человек, которому сейчас они были на руку – гребаный Исаев, над которым после всего, что произошло, сгустились тучи. Эти события лишь утвердили его в желании встретиться с Лерой.

– Да пойми же – она не сможет от него избавиться. Ты представляешь, как много поставлено на кон?! Ей не дадут от него уйти, даже если она очень того захочет. Хотя... судя

по этой фотографии – в особенных уговорах она не нуждается.

Таир закусил щеку, с трудом заставляя себя помалкивать. Он никак не мог взять в толк, откуда у отца этот страх? Что он наломает дров, что сделает что-то в ущерб себе. И чем больше думал, тем ясней понимал, что тот решил, будто его поступками руководят чувства. Это было глупо, учитывая, сколько лет прошло со дня их последней с Лерой встречи, да и вообще... Не в его характере была такая сентиментальность. Кому, как не отцу, было об этом знать?

Впрочем, была в его словах и своя логика. Он не знал Леру. Не знал, какая в ней живет сила. И не понимал, на что она способна. Отец ошибался в ней, как и подавляющее большинство окружающих Леру людей. Считая нежной трепетной ланью, тогда как за этой картинкой пряталась совсем другая личность.

Интересно, понимал ли сам Исаев, с кем имеет дело? Изучил ли он ее за пятнадцать лет брака так глубоко, как изучил он сам? Таиру, например, для этого понадобилось совсем немного времени. Всего один случай. Он зажмурился, позволяя воспоминаниям утащить его в тот самый далекий день...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.